

— Почему?

— За что?!

— Зачем?..

Детские голоса слились в истошный, нескончаемый гул. Они звучали отовсюду, накатывая волнами и безжалостно ввинчиваясь в мозг. Чи Юньян зажал уши руками, согнувшись пополам, но этот невыносимый визг легко преодолевал любые преграды, проникая в самое сознание и взрывая его изнутри.

Чжуан Сяои досталось ещё больше: он багровел от приливающей крови, глаза закатились, а сам он повалился на землю, содрогаясь в конвульсиях и пуская ртом пену.

— Заткнитесь... Заткнитесь! — прохрипел Чи Юньян. В горле спазмом встал горький ком, и по подбородку потекла струйка тёмной крови.

Вдруг сквозь эту безумную какофонию снова пробился голосок Сяо Чу. Она говорила тихо, из последних сил, но на удивление отчётливо:

— Я хочу, чтобы деревня Сяохэй снова стала прежней. Пожалуйста...

Огромное дерево содрогнулось с новой силой. Его ветви забили в конвульсиях, и на землю хлынул настоящий ливень из крови. Тяжёлая багровая капля шлёпнулась на правую щеку И Яньле. Он на мгновение замер, брезгливо стёр её пальцем и поднял взгляд. В его глазах сквозило лишь ледяное равнодушие.

— Почему? — И Яньле криво, издевательски усмехнулся. — Да потому, что вы все заслужили смерть.

В ушах Чи Юньяна гудело так, что слов И Яньле он попросту не расслышал. Однако сквозь плотный звон он осознал главное — голоса черноглазых детей наконец смолкли.

— Будь... по-твоему, — проскрежетал во тьме голос старухи.

Слова малышки Сяо Чу возымели силу! Кое-как приоткрыв глаза, Чи Юньян увидел, что девочка лежит на земле. Она слабо, из последних сил улыбалась ему, обнажив мелкие зубки. В её некогда абсолютно чёрных, пугающих глазах теперь разливалась чистая, как свежий снег, белизна.

Но улыбка быстро угасла, глаза безвольно закрылись.

Сяо Чу больше не дышала. Она умерла.

Клубящийся туман вокруг начал медленно рассеиваться. Огромный ствол продолжал вибрировать, и мертвецы, свисавшие с ветвей, словно ожили. Из их разинутых ртов вырвался оглушительный, потрясший саму землю вой.

В этом хоре слились воедино предсмертные муки, дикая злоба, запоздалое раскаяние и долгожданное облегчение.

С глухим стуком с дерева рухнул иссохший скелет. Но едва кости коснулись земли, случилось невероятное: они прямо на глазах стали обрастать сухожилиями, багровыми волокнами мышц и нежной кожей. Чи Юньян заворожённо смотрел, как жуткие останки превращаются в юную девушку.

Она стояла перед ними, мягко и тепло улыбаясь. Её взгляд дышал кротостью, хотя глаза оставались такими же бездонно-чёрными.

Рядом за клубилось облако тёмного дыма, вновь приняв очертания сухонькой горбатой старухи.

— И в твоём сердце совсем не осталось злобы? — тихо спросила старуха.

Девушка с бесконечной нежностью посмотрела на застывших поодаль черноглазых сирот.

— Злобы? На что мне злиться? На то, что деревенские с самого моего рождения шарахались от меня, как от чумы? На то, что они сделали из меня послушное орудие для своих грязных дел? Или на то, что в конце концов они заживо содрали с меня кожу, переломали кости и закопали под этим деревом?

У Чи Юньяна подкосились ноги, голова кружилась. И Яньле молча шагнул ближе, придерживая его за пояс и не давая рухнуть на землю. Опустившись на колени, Юньян протянул подрагивающую руку и коснулся бледной, стремительно остывающей щеки маленькой Сяо Чу.

Почему она погибла? Неужели пожертвовала собой ради них?

Девушка подошла ближе и опустилась рядом с ними на колени, глядя на бездыханную тёзку.

— Эта малышка спасла и деревню, и меня саму, — негромко произнесла она.

— Я не понимаю, — нахмурился Чи Юньян. — О чём ты?

— Что ж, присаживайтесь. Слушайте историю деревни Сяхэи. Когда-то наше поселение не носило этого мрачного имени. Оно звалось деревней семьи Сяо — Сяоцзяцунь. Места у нас глухие, отдалённые, зато земля всегда была щедрой. Мы жили обособленно, сыто и горя не знали. Всё изменилось чуть больше двадцати лет назад.

Она устроилась поудобнее на мягкой траве и продолжила:

— Местный староста с женой долго не могли завести детей. Молились всем богам, исходили все пороги, и наконец женщина понесла. Спустя девять месяцев на свет появилась девочка. Но стоило ей открыть глаза, как повитуха закричала от ужаса: у младенца не было белков — одни лишь иссиня-чёрные, бездонные провалы глаз. Этой девочкой была я. Меня называли Сяо Чу.

Чи Юньян изумлённо вскинул голову:

— Тебя тоже зовут Сяо Чу?

Девушка с грустной улыбкой кивнула:

— Да, я Сяо Чу. Я — это она, а она — это я. Наша судьба едина.

Чи Юньян присмотрелся к её чертам: сходство действительно было поразительным. Большая Сяо Чу казалась повзрослевшей копией погибшей сироты.

Старуха рядом лишь презрительно фыркнула:

— Обе дуры набитые. Деревня сгнила до самого основания ещё тогда, а вы всё милосердие проявляете.

Сяо Чу пропустила язвительное замечание мимо ушей и обратилась к Чи Юньяну:

— На следующий день после моих родов мама скончалась. Догадываешься, почему?

— Неужели... — Чи Юньяну стало не по себе. — Ты обратилась к ней с «просьбой»?

— Именно так, — спокойно подтвердила девушка. — Я проголодалась, потянулась к ней ручками и попросила молока. Она согласилась... и отдала свою жизнь. Осознав, какое существо пришло в мир, отец несколько раз пытался задушить меня прямо в колыбели. Но рука у него так и не поднялась. Боясь гнева суеверных соседей, он запер меня в доме. Четыре года о моём существовании никто в деревне даже не подозревал.

Чи Юньян вспомнил добротный дом, где они обедали. Оказывается, это было жильё старосты.

И некогда — дом этой несчастной девочки.

— Но шила в мешке не утаишь, — продолжила Сяо Чу. Её голос звучал ровно, будто она рассказывала чужую сказку, а не собственную трагедию. — В конце концов люди прознали обо мне. Чёрные глаза до смерти напугали их, и толпа решила сбросить меня со скалы. Мне стало так горько... Я плакала и умоляла их остановиться. Нескольких зачинщиков я попросила «отпустить меня». Они замертво рухнули на землю. Тогда остальные поняли, какой страшной силой я обладаю. Сначала они хотели избавиться от меня, но алчность перевесила страх. Им до безумия захотелось использовать мой гипноз в своих целях. При этом они панически боялись, что я обращаю силу против них самих. И тогда они нашли выход...

Девушка сделала глубокий вдох, её губы едва заметно дрогнули:

— Они заперли моего отца в погребе. Если я отказывалась подчиняться, они отрезали от его тела куски плоти и заставляли меня их есть. Они быстро смекнули, что моя сила растёт пропорционально моей ненависти. Чем больше я их презирала, тем глубже был транс, в который я могла повергнуть любого. Позже они пошли ещё дальше: стали подмешивать мою кровь в питье беременным женщинам, чтобы в деревне рождалось больше таких же живых кукол с чёрными глазами.

Сяо Чу горько усмехнулась, окинув взглядом сирот:

— Но они переоценили свои силы. Черноглазых детей рождалось всё больше, контролировать их становилось труднее. В деревне началась форменная бойня. Соседи, братья, сёстры — все они копили друг на друга мелкие обиды. И стоило кому-то разозлиться из-за пустяка, как они приказывали своим «ручным» детям убить обидчика. Люди гибли десятками.

Чи Юньяна передёрнуло от отвращения. В глубине души он всегда считал, что в таких богом забытых уголках люди сохраняют чистоту и простоту. Но жестокая реальность раз за разом доказывала обратное: темнота и невежество порождают лишь чудовищную низость. Из-за грошового спора или косого взгляда эти люди без колебаний отправляли соседей на смерть руками собственных детей.

— Возмездие не заставило себя ждать, — продолжила девушка. — Проклятие пустило слишком глубокие корни: даже без употребления моей плоти все младенцы продолжали рождаться черноглазыми. Более того, первые из таких детей стали внезапно умирать, не дожив и до шестнадцати лет. И тогда деревенские снова вспомнили обо мне. Решив, что источник беды в моём существовании, они выволокли меня к этому дереву. Заживо содрали кожу, вырвали жилы и закопали останки среди корней.

Старуха медленно провела сморщенной ладонью по грубой, сочащейся сукровицей коре:

— Безумная, жгучая обида девочки наплатила корни этого древа. Так родилась я — её месть и её кара. Я придушила каждого взрослого в этой проклятой деревне и вздёрнула их тела на сучьях. Пожалела я лишь одного... и позволила ему уйти.

Сяо Чу согласно кивнула:

— Дерево пощадило моего отца. Он сбежал из этих мест, а через два года у него родилась ещё одна дочь. С такими же бездонно-чёрными глазами. Не в силах выносить этот кошмар заново, он привёз кроху обратно, оставил у околицы, а сам бросился с обрыва. Малышку тоже назвали Сяо Чу. Когда она подросла, немногие выжившие жители всё так же отыгрывались на черноглазых сиротах. Но дерево строго карало обидчиков, убивая их одного за другим. Маленькая Сяо Чу унаследовала всю мою силу, но её душа осталась чистой. В ней не было той всепоглощающей тьмы и ненависти, что сжигала меня.

Девушка замолчала, прикрыв глаза, словно уберегая себя от горьких воспоминаний.

Чжуан Сяои, уже пришедший в себя, тихо сидел на траве и внимательно слушал. Дождавшись паузы, он хрипло спросил:

— Значит, черноглазые могут не только убивать по указке, но и исполнять собственные желания?

— Могут, — подтвердила Сяо Чу. — Но цена за личную просьбу непомерно высока — чужие жизни. А если желание слишком масштабно, платить приходится собственной душой. Наша маленькая Сяо Чу пожелала откатить время. Сделать так, чтобы деревня вернулась в те дни, когда кошмар ещё не начался.

— Но если всё вернётся на круги своя, разве трагедия не повторится? — с тяжёлым сердцем спросил Чи Юньян.

— Это замкнутый круг. Вечное проклятие нашей деревни.

Чи Юньян опустил голову:

— Неужели совсем ничего нельзя исправить?

Старуха тяжело вздохнула:

— Если бы здешние люди имели хоть каплю сострадания и приняли Сяо Чу с самого начала, ничего бы этого не случилось.

Чи Юньян промолчал. Старуха была права. Родись девочка в семье, где её не посчитали бы проклятым отродьем, окружи близкие её заботой и теплом — Деревня семьи Сяо так и осталась бы тихой, мирной деревушкой.

Сяо Чу ласково улыбнулась Юньяну, и в этой улыбке промелькнуло то самое детское

простодушные погибшей малышки:

— Чёрные глаза — это проклятие, но разрушить его чары очень просто. Достаточно, чтобы рядом оказался хотя бы один человек, который отнесётся к такому ребёнку с искренней теплотой и любовью. Тогда чернота со временем уйдёт, и глаза станут обычными.

Старуха посмотрела на застывшего в глубокой задумчивости парня:

— Ты был единственным, кто проявил к ней доброту, малец. Потому она так к тебе привязалась.

В то же мгновение силуэты мертвецов на ветвях растаяли серой дымкой, а густой туман окончательно рассеялся. Из-за горизонта пробился первый робкий луч солнца, озарив преобразяющуюся долину.

Леденящая стужа отступила. Природа оживала прямо на глазах: под ногами стремительно зазеленела сочная трава, распустились бутоны диких цветов, а над крышами чистеньких домиков весело заструился сизый печной дым.

Ни старухи, ни взрослой Сяо Чу, ни бездыханного тела девочки рядом больше не было. Всё исчезло. Лишь на деревянной арке у въезда в деревню теперь чётко красовались три размашистых иероглифа: «Деревня семьи Сяо».

Чи Юньян, И Яньле и Чжуан Сяои обнаружили, что стоят посреди улицы перед порогом дома старосты. Из приоткрытого окна доносились тихие, счастливые голоса мужа и жены.

— Дорогой, как мы назовём нашу малышку, когда она родится?

— Как насчёт Сяо Чу? Чу-чу — нежная, милая девочка.

Женщина негромко рассмеялась:

— Чу-чу... Моя хорошая, расти скорее. Мама с папой очень тебя любят и не дождутся встречи с тобой.

Очертания деревни начали блекнуть и расплываться, уносясь куда-то вдаль. Миг — и все трое очутились посреди бескрайнего, ослепительно-белого пространства.

— Ты плачешь? — не без удивления спросил И Яньле, глядя на покрасневшее лицо спутника.

Чи Юньян поспешно вытер щеки рукавом и буркнул, отвернувшись:

— Ещё чего! Никто не плачет. Просто глаза от этого белого света зарезало.

Чжуан Сяои тяжело вздохнул. На его лице проступила глубокая тоска — должно быть, он снова вспомнил погибшую Е Илинь.

— Неужели мы действительно сдали этот чёртов экзамен? Всё как во сне... До сих пор кажется, что сейчас моргну и снова окажусь в том треклятом автобусе.

Чи Юньян и сам чувствовал растерянность. Белизна вокруг была абсолютной, лишая всяких ориентиров.

Внезапно в его голове раздался знакомый, давно не звучавший монотонный механический голос:

[Поздравляем! Вы успешно прошли вступительный экзамен в Академию посмертных экзаменов]

В ту же секунду силуэты Чжуан Сяои и И Яньле начали стремительно бледнеть, теряя очертания.

— Что происходит?! — встревожился Юньян. — Ребята, вы исчезаете!

— О боже, ты тоже! — испуганно вскрикнул Чжуан Сяои. — Твоё тело...

Договорить он не успел: его фигура окончательно растворилась в воздухе.

Чи Юньян в панике рванулся вперёд, пытаясь ухватить И Яньле за руку, но его пальцы сжали лишь пустоту — рука друга уже растаяла без следа.

— Яньле... Мы что, больше никогда не увидимся? — с замиранием сердца спросил он.

Пусть они знали друг друга всего ничего, Чи Юньян успел искренне привязаться к этому холодному, но надёжному парню. Не будь И Яньле рядом, сам он наверняка погиб бы ещё в первый день.

И Яньле мягко посмотрел на него. Его лицо оставалось удивительно спокойным:

— Не переживай. Мы очень скоро встретимся.

Его тихий голос растаял в бесконечной белизне, оставив Чи Юньяна в полном одиночестве. Он растерянно покрутил головой, но вокруг не осталось ни души.

Вместо мысленного шёпота механический голос теперь зазвучал прямо из окружающего пространства. В паре шагов перед Чи Юньяном из воздуха соткался крошечный чёрный шарик, похожий на глянцевый боб.

Маленький чёрный бобик смешно покачался из стороны в сторону и заговорил тонким голоском:

— Приветствую тебя, студент Чи Юньян! Добро пожаловать в Академию посмертных экзаменов. Я твой Проводник №777. Сейчас я подробно изложу тебе правила пребывания в стенах нашей Академии.

<http://bllate.org/book/18234/1748881>